

«ВЫСШИЕ КОРОЛЕВСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ» НЕПАЛА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БУДДИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

*Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
peter.ppj.bsu@gmail.com*

"SUPREME ROYAL DECREES" OF NEPAL AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF BUDDHIST INSTITUTIONS

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: The article offers a comprehensive study of Nepal's "Supreme Royal Decrees" (SRDs) as a pivotal source for the history of Buddhist institutions. Spanning from Emperor Aśoka's stone edicts to the paper *lāl mohar* ("red seal") of the Śāha and Rā ā period, the corpus is examined through five interrelated objectives: genre typology, formulary evolution, documentation of doctrinal and economic features, source reliability assessment, and reconstruction of state religious policy. The methodology integrates diplomatic and palaeographic scrutiny, historical-legal comparison, socio-cultural interpretation, and critical discourse analysis. Findings demonstrate that SRDs served as a dynamic conduit transforming sacral legitimation into codified royal law (*rajdanda*), regulating land trusts known as *guthi*, the internal hierarchy of the *sa gha*, and royal resource allocation. Functional continuity across changes in language, script, and material medium is established, together with the genre's capacity to adjust to the secular reforms of the late monarchy. The proposed classification and refined transliterations provide a solid platform for future research on Buddhist legal culture and the management of Himalayan cultural heritage.

Keywords: Supreme royal decrees, Buddhism, Sangha, Nepal, land trusts (*guthi*), donation charters, historiography, source studies, religious studies, Buddhology.

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу «Высших королевских постановлений» (ВКП) Непала как ключевого источника по истории буддийских институтов. Корпус актов, восходящий к каменным эдиктам Ашоки, установленным в Лумбини и других памятниках современного Терая, и завершающийся бумажными «лал мохар» (*lāl mohar* — «красная печать») эпохи Шахов и оформленными по иной форме распоряжениями премьер-министров Рана, рассматривается сквозь призму пяти взаимосвязанных задач: типологии жанра, эволюции формуляра, фиксации доктринальных и хозяйственных аспектов буддизма, проверки достоверности сведений и реконструкции государственной религиозной политики. Методологическая база включает дипломатический и палеографический анализ, историко-правовое сопоставление, социально-культурную интерпретацию и критический дискурс-анализ. Установлено, что ВКП функционировали как гибкий инструмент передачи религиозной легитимации в юридическое поле, регулируя земельные трасты «гутхи» (*guthi*), структуру Сангхи и государственное распределение ресурсов. Выявлена функциональная преемственность жанра при смене языков, письменностей и материальных носителей, а также его способность адаптироваться к секулярным реформам эпохи поздней монархии. Предложенная классификация актов и уточненные транслитерации терминов формируют надежную основу для дальнейших исследований буддийского права и культурного наследия Гималайского региона.

Ключевые слова: Высшие королевские постановления, буддизм, Сангха, Непал, гутхи, дарственные грамоты, историография, источниковедение, религиоведение, буддология.

Введение

Буддийские общины Непала на протяжении полутора тысячелетий развивались в тесной связи с монаршей властью, а их права и имущество закреплялись особым корпусом актов — «Высшие королевские постановления» (ВКП). Историческая линейка жанра тянется от каменных указов императора Ашоки до бумажных «лал мохар» (*lāl mohar* — «красная печать») эпохи Шахов и Рана, убедительно демонстрируя, как сакральная легитимация постепенно трансформировалась в инструмент хозяйственного и юридического регулирования, а буддизм принимал очертания официально признанного государством института. Разнообразие материалов, языков и канцелярских форм делает необходимым совместное применение эпиграфических, дипломатических и правовых методов, что позволяет реконструировать типы дарений, эволюцию титулатуры и языковую политику различных династий.

Привлечение ВКП остается актуальным, поскольку имущественные споры вокруг земель «гутхи» (*guthi* — религиозные трасты, управляющие доходами монастырей) и в наши дни решаются с опорой на нормы, впервые зафиксированные именно в монарших указах. Отмена монархии и провозглашение светской республики не поколебали юридической силы этих актов: судебные решения, парламентские инициативы и проекты реставрации объектов Всемирного наследия продолжают ссылаться на прецедентную силу ВКП. Кроме того, систематическое введение непальских документов в российскую научную практику ликвидирует пробел в отечественной буддологической историографии, где до сих пор преобладали пересказы вторичной литературы.

Исследование ставит **целью** проследить эволюцию «Высших королевских постановлений» (далее — ВКП) и установить их источниковедческую значимость для реконструкции истории буддизма в Непале. Для реализа-

ции этой цели сформулированы пять конкретных **задач**. Первая задача подразумевает типологизацию разновидностей указов с буддийской проблематикой, отнесенную к каждому крупному историческому этапу. Вторая направлена на выявление изменений формуляра, языка, письменности и материального носителя постановлений в связи с политико-административной трансформацией государства. Третья задача посвящена анализу способов фиксации доктринальных, институциональных и культовых аспектов буддизма, включая институт «гутхи» (guthī — традиционный религиозный траст) и формы царского патронажа. Четвертая предполагает оценку достоверности указов путем сопоставления их сведений с данными хроник, археологии и современной научной литературы. Пятая задача ориентирована на проследивание динамики религиозной политики и стратегий легитимации власти через поддержку, регулирование либо ограничение буддийских общин.

Объектом исследования служит сам корпус ВКП как разновидность официальной документации, репрезентирующей монархическую практику издания нормативно-правовых, дарственных и декларативных актов. **Предмет** составляют структурные, лингвистические, палеографические и материальные характеристики этих документов, рассмотренные в контексте регулирования буддизма и взаимодействия Сангхи с государством.

Материальную основу анализа формируют публикации, где первичные тексты уже введены в научный оборот, снабжены транскрипциями и критическим аппаратом. Обращение к оригинальным каменным, медным или бумажным носителям в рамках данной работы не предпринимается; подобный подход опирается на верифицированные издания и минимизирует риск неверной атрибуции, сохраняя при этом строгие требования академической надежности.

Методологический инструментарий исследования сформирован из пяти взаимодополняющих аналитических процедур. Прежде всего применяется «глубокий анализ источников» — вычитка научных работ, изучающих ВКП и связанные тематики. Исторический подход соотносит эволюцию жанра с конкретными политическими процессами: сменой династий, административными реформами, внешнеполитическими конфликтами. Социально-культурный анализ диагностирует, каким образом формулировки указов отражают стратификацию непальского общества, фиксируя функции Сангхи и статус «гутхи» (guthī). Политико-правовой анализ определяет роль ВКП в распределении ресурсов и юридическом закреплении положения буддийских общин, а также сопоставляет нормы указов с позднейшими кодификациями. Завершает комплекс «критический дискурс-анализ» (critical discourse analysis), фокусирующий внимание на риторических стратегиях, идеологических импликациях

инвокаций и механизмах сакрализации царской власти. Сочетание перечисленных методов обеспечивает многоаспектное рассмотрение жанра в строгой источниковедческой парадигме.

Научная новизна работы заключается в первом сквозном сравнительно-дипломатическом анализе полного типологического спектра ВКП, демонстрирующую функциональную преемственность жанра при смене материальных носителей, языков и политических режимов. Исследование вводит в российский научный оборот проверенные транслитерации неварских, непали и санскритских формуляров, уточняет хронологию и лингвистические особенности более двух десятков ранее неописанных актов, раскрывает, каким образом ВКП служили каналом трансляции сакрального авторитета в правовую сферу, формируя социально-экономическую инфраструктуру буддизма в Непале.

Обзор источников

Фундамент исследования образует восемнадцать признанных академических работ, отражающих весь спектр вопросов, связанных с эволюцией высших королевских постановлений (ВКП) и буддийских институтов Непала. Для удобства анализа литература сгруппирована по тематическим блокам, каждый из которых раскрывает определенный аспект проблемы.

1. Эпиграфика, визуальные источники и раннемодерная дипломатия

Ключ к пониманию преемственности буддийского патронажа в Западном Непале дает статья И. Алсопа, К. Тамота и П. Параджули, где тибето-непальская танка 1609 г. рассматривается как иконографическая публикация королевского указа Викрама Шахи; авторы демонстрируют двуязычную формулу дарственной грамоты, прямую отсылку к медным пластинам династии Кхаса-Малла и юридически значимые санкции против нарушителей [1, с. 3–5, 31]. Анализ четырех сопутствующих медных грамот и храмовых портретов монарха подтверждает устойчивость модели царского покровительства Сангхи на протяжении XVII в. [там же, с. 31–34, 40].

Исследование К. Намгьял-Ламы, посвященное свиткам «паубха» (paubhā) с изображением ритуала «Лакшачайтйа» (Lakṣacaitya) в Патане, расширяет корпус визуально-эпиграфических источников. Автор фиксирует точное воспроизведение «лал мохара» (lāl mohar — «красная печать») короля Йога-Нарендры Маллы и показывает, как после завоеваний Шахов монаршая фигура постепенно уступает место иконе Авалокитешвары, что демонстрирует трансформацию формулы «Высших королевских постановлений» в XVIII–XIX вв. [12, с. 30–31].

2. История монастырских институтов и самовыражение Сангхи

Диссертация С.М. Баджрачарьи создает масштабную картину эволюции монастырей от эпохи Личчхавов до наших дней, выделяя гутхи как правовой механизм реализации королевских хартий и подчеркивая решающую роль ВКП в институциональных сдвигах — от целибатного монашества к кастово организованным общинам шакьев / ваджрачарьев [3, с. 298, 366, 444]. Автобиографический очерк Амритананды (Лал Каджи Шакья) дает ракурс на XX в.: репрессии режима Рана, международную миссию Нарады-махатхеры и возврат королевского патронажа при Трибхуване [2, с. 9, 16, 181]. Его данные коррелируют с более поздней социологией С. Суяно, фиксирующей рост сети тхеравадских вихар после узаконивания трастовой формы вместо царских даров [18, с. 13, 18, 22].

3. Интеллектуальные и трансграничные контакты

Статья А. Чудал о Рахуле Санкритьяне демонстрирует, каким образом индийский буддолог использовал религиозные праздники для обхода цензуры Рана и подпитывал тхеравадинское движение интеллектуальной поддержкой, одновременно вскрывая уязвимости административных ВКП середины XX в. [4, с. 68, 76–77].

4. Кодификация права и долговечность королевских норм

Критическое издание кодекса «Мулуки Айн» (Mulukī Ain, 1854), подготовленное Р. Кхативодой, С. Кубеличем и А. Майклсом, демонстрирует единый нормативный свод, консолидировавший разрозненные ВКП предыдущих столетий. Комментарии к разделу VII подтверждают неприкосновенность буддийских «гутхи» (guthī — земельный траст) и закрепляют налоговый иммунитет сангхи (§ 595, 1280) [8, с. 409, 688]. По наблюдению М. Малагоди, Конституция 1959 г. сохраняет запрет обращения, непосредственно наследуя положения «Мулуки Айн», а чрезвычайные королевские ордонансы трансформируются в «конституционализированные фарманы» [10, с. 14, 17].

5. Секуляризм и постмонархические дебаты

Политико-правовую динамику освещают доклады К.Д. Девкоты, А.Д. Дахала, эссе Ч. Летиции и статья Б.К. Мишры. К.Д. Девкота аргументирует, что провозглашение светской республики в 2007 г. явилось завершающей стадией борьбы с кастовыми положениями, кодифицированными в «Мулуки Айн» (Mulukī Ain, 1854) [6, с. 14, 25]. А.Д. Дахал, Ч. Летиция и Б.К. Мишра дополняют картину эмпирикой: широкое непонимание принципов секуляризма, сохранение индуистских табу и бюрократическое неравенство при регистрации «гутхи» (guthi)

демонстрируют продолжающуюся нормативную инерцию ВКП в современном законодательстве Непала [5, с. 510–511; 9, с. 110; 11, с. 28–30].

6. Кризис легитимности монархии и культурная память

М. Хатт анализирует конспирологическую уличную литературу после дворцовой резни 2001 г. и показывает, как буддийская риторика «кармического возмездия» подорвала сакральную ауру Шахов, открыв путь к переосмыслению ВКП в общественном сознании [7, с. 44–50]. С. Шнайдерман, в свою очередь, вводит понятие «буддийских родин», демонстрируя, что территориальная легитимность буддийских общин по-прежнему основана на дарственных граммах королей Малл, а секуляризм рассматривается ими как инструмент защиты культурного суверенитета [14, с. 90–92].

7. Управление наследием и трансформация гутхи после 1964 г.

Три прикладных исследования, подготовленных С.Р. Субеди и С. Шрестьхой, выявляют основные трудности управления национализированными «гутхи» (guthi). Корпорация Guthi Sansthan фиксирует утрату 14,6 % принадлежащих ей угодий и хронические задержки финансирования буддийских объектов [15, с. 82–83]. Полевое исследование 2024 г. характеризует «гутхи» как фактическое «операционное ядро» реставрации памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, одновременно отмечая дефицит инженеров-консерваторов и проблемы двойной регистрации земель [16, с. 226–227]. Технический анализ 62 завершённых реставрационных проектов показывает, что арендные поступления «гутхи» покрывают до 55 % сметной стоимости работ, тогда как государственные ассигнования остаются недостаточными [17, с. 263–264].

8. Современные вызовы неварскому буддизму

М. Шакья отмечает, что после отмены королевского патронажа 1964 г. земли гутхи (guthi) утрачивают платежеспособность, приводя к «финансовой эрозии» монастырей; исследователь выдвигает муниципально ориентированную стратегию «культурного буддизма» взамен ожидания новых царских даров [13, с. 44–45, 48].

Таким образом, проведенный обзор демонстрирует комплексную картину: от эпиграфических свидетельств XVII в. до цифровых кадастров XXI в. В совокупности источники подтверждают, что ВКП не исчезают с упразднением монархии, а трансформируются, продолжая регулировать земельные, ритуальные и символические ресурсы буддизма.

Результаты и обсуждение

1. Типологический спектр «Высших королевских постановлений» (ВКП), затрагивающих буддизм

Первичный корпус документов позволяет выделить четыре устойчивые разновидности жанра. Монументальный эдикт фиксирует волю монарха в пространстве публичного ритуала и сочетает декларацию религиозной добродетели с фискальными преференциями. Дарственная грамота (тамрапатра, *tāmrāpātra*) закрепляет имущественные отношения между двором и буддийским институтом, оформляя передачу земель, доходов или правосудия. Норматив-административный указ регулирует практику иерархии Сангхи, определяет порядок назначения настоятелей и вмешивается в конфликты между монастырями и общинами. Кодификационный свод превращает разрозненные акты прежних эпох в систематизированный корпус права, делая их обязательными для подданных. Разнообразие типов демонстрирует гибкость жанра, способного отражать как символические, так и хозяйственные стороны буддизма. Диахроническое сопоставление показывает, что каждая разновидность отвечала конкретному политико-экономическому запросу: легитимация власти, стабилизация налоговой базы, нормирование ритуала, унификация законодательства. Одновременно в документах прослеживается единая логика сакральной санкции, придающей юридической формуле статус кармически значимого деяния.

2. Развитие формуляра и материальных носителей ВКП

Каменная стела эпохи Личчхави задает основу формуляра: инвокация, царский титул, предмет распоряжения, санкция, датировка. Переход на медные пластины расширяет текст: появляются перечисления свидетелей, условные клаузулы о конфискации и проклятия для нарушителей. Пальмовый лист и бумага эпохи Малла вносят рубрикации, номера и красочную орнаментику ранджана-письма, что облегчает архивное хранение и юридическую ссылку на предыдущие решения. Бумажный Лал Мохар (*lāl mohar*) периода Шахов вводит деванагари и стандартизированную преамбулу с неизменной формулой «Шри Дурга Сахая», подчеркивающей индуистскую легитимацию. Королевская печать трансформируется из рельефного оттиска в чернильный штамп, что упрощает тиражирование, но усиливает необходимость канцелярской регистрации. Материальная эволюция сопровождается ростом бюрократического аппарата: чем легче носитель, тем шире тираж и подробнее ссылки на прежние указы. Накопление самореференций превращает жанр в юридическую систему, где каждый новый

акт опирается на прецеденты, формируя континуитет государственной памяти.

3. Истоки королевских указов и раннее проникновение буддизма в Непал (до V в. н. э.)

Эдикты Ашоки представлены колонной в Лумбини; атрибуция колонны Ниглихавы остается дискуссионной. Тексты на пракрите провозглашают налоговые послабления селениям, связанным с жизнью Будды, и учреждают охранный статус ступ. Формальные элементы – персональная подпись «Деванампия Пиядаси», дата правления, сакральная санкция – задают прототип будущих непальских указов. Контакты Маурьев с Гималаями демонстрируют, что модель монархического дарения использовалась для включения периферийных земель в орбиту имперского буддизма. В преданиях о киратах содержатся упоминания о визите Шакьямуни в долину, однако отсутствие надписей той эпохи подчеркивает зависимость историографии от материальных носителей. Тем не менее устная память киратов свидетельствует о раннем принятии буддийских ценностей и о готовности местных правителей использовать сакральную легитимацию в межплеменной политике. Практика публичного объявления указов постепенно трансформируется из устного провозглашения в эпиграфическую фиксацию, что открывает возможность реконструкции процессов ранней институционализации буддизма в регионе.

4. Эпоха Личчхави (V–IX вв.) – каменные и медные свидетельства королевской воли

Надписи Личчхави на сиддхам-письме демонстрируют формирование двустороннего договора между троном и Сангхой. Короли выступают дарителями земель для вихар, а взамен получают молитвенную защиту и участие монахов в публичных ритуалах. Грамоты фиксируют не только размер даров, но и обязанность монастырей проводить лампадные службы, ремонты ступ и поминальные чтения, что подтверждает экономическую взаимозависимость. Женские монашеские общины впервые получают юридический статус, о чем свидетельствует упоминание «Айя-бхикшуни-Сангхи» (*Ārya-bhikṣuṇī-Saṅgha*). Платежные льготы в пользу монастырей соотносятся с реформой ирригации: иллюстрируется, как буддисты вовлекались в управление инфраструктурой. Лингвистический анализ показывает смешение санскрита и раннего непальского, что отражает адаптацию доктрины к многоязычной среде долины. Датировочная формула привязывает акт к конкретному году царствования, позволяя проследить темп усиления королевского патронажа. Постепенное нарастание буддийской терминологии в титулатуре правителей указывает на рост символического капитала религии в легитимационной риторике.

5. Период Малла (XII–XVIII вв.) – расцвет и диверсификация документальных форм

Политическое дробление долины Катманду на три соперничающих царства обусловило стремление дворов закрепить культурный престиж посредством увеличения числа «Высших королевских постановлений» (ВКП). Неварский язык — «непаль-бхаса» (*nepāl bhāṣā*) — утверждается в них в качестве официального административного идиома, тогда как письмо «ранджана» (*rañjanā*) маркирует принадлежность документа элитарной книжности. Постановления «стхити» (*sthiti* — «устой») кодифицируют кастовые обязанности, закрепляя за буддийскими общинами хозяйственные функции и ритуальные повинности. Дарственные медные пластины подтверждают имущественные права «гутхи» (*guthī*), фиксируя аренду рынков, водоемов и проведение колесничных фестивалей Авалокитешвары. Королевская канцелярия вводит ежегодную ревизию даров, формируя разветвленную систему реестров, по которым каждый монастырь отчитывается об урожае и ремонте ступ. Реформы Джаястхити Маллы (около 1380-х гг.) узаконили наследование монастырского имущества семейными гутхи каст шакья и ваджрачарья, а постепенное вытеснение целибатного монашества прослеживается лишь по указам XVII в. Синкретический характер двора отражается в двуязычных преамбулах: сакрализирующая инвокация излагается на санскрите, операционные диспозиции — на невари. Период Малла тем самым демонстрирует, как многоязычие и династическая конкуренция повышали формальную точность и жанровое разнообразие ВКП [3, с. 298, 366].

6. Периоды Шахов и Рана (1768–2008 гг.) – эпоха Лал Мохар и кодификации

Объединение Гималайских княжеств под знаменем «истинного индуистского государства» влечет структурную трансформацию жанра. Лал Мохар фиксируется как универсальный формат: красная печать, формула «Шри Дурга Сахая», текст на непали, датировка по Викрам-самват. Бумага облегчает мультипликацию указов, что усиливает контроль над земельными фондами гутхи. Кодекс Мулуки Айн интегрирует прежние дарственные клаузы в общую правовую матрицу, превращая монастырские льготы в элементы кастовой иерархии. Премьер-министры династии Рана издавали собственные распоряжения «сандеша» (*sandēśa* — «повеление»), которые формально не относились к «Высшим королевским постановлениям», но ссылались на ранее выданные «лал мохар» для обоснования высылки тхеравадских монахов и последующего разрешения их возвращения [2, с. 9–16; 18, с. 13–18]. Документы этого времени фиксируют переход от прямого царского патронажа к системе государственно-контролируемых трастов. Официальный язык индуизма не отменяет буддийские топонимы, однако в

тексте указывается необходимость регистрации гутхи в налоговой службе, что демонстрирует секуляризирующий вектор политики.

7. Эволюция «Высших королевских постановлений» как документального жанра в Непале

Сравнение эпох выявляет устойчивое ядро жанра: сакральная санкция, именование монарха, точная дата и юридическая проформа для дарения или приказа. При этом каждая династия добавляет собственные маркеры. Личчхави подчеркивают связь с дхармой через санскритскую лексику, Малла вводят городскую эстетику неварского письма и регулятивную детализацию, Шахи и Рана опираются на унифицированную бюрократию и индуистскую идеологию. Формуляр постепенно переходит от метафор славословия к сухому административному языку, что отражает трансформацию природы легитимации: от харизматической к рационально-легальной. Материальный носитель эволюционирует от вечного камня к эфемерной бумаге, но юридическая сила сохраняется благодаря внедрению архивных практик. Итоговым результатом становится устойчивый корпус текстов, обеспечивающий правопреемство между монархией, а затем и республикой, где ссылки на ВКП продолжают играть роль в земельных спорах и культурном наследовании.

8. «Высшие королевские постановления» как источник для изучения непальского буддизма

Корпус ВКП предоставляет уникальную возможность отслеживать взаимодействие государства и Сангхи в долгосрочном разрезе. Документы фиксируют моменты институциональных сдвигов, когда изменения во внутренней жизни буддизма – от форм монашества до пантеонов Ваджраяны – напрямую отражаются в юридических формулах. Дарственные грамоты раскрывают экономическую основу монастырей, позволяя проследить структуру гутхи и их адаптацию к аграрным реформам. Нормативные указы демонстрируют, как государство использовало буддийские сети для управления ресурсами: ирригацией, мостами, городскими праздниками. Кодификационные тексты показывают, как буддийские нормы растворялись в общегосударственном праве, сохраняя автономию лишь через упоминание специальных льгот. Критическое сопоставление ВКП с археологическими и литургическими материалами выявляет разрыв между официальным дискурсом и повседневной практикой, благодаря чему можно реконструировать механизмы согласования интересов двора, монастырей и мирян. В конечном счете жанр ВКП выступает не просто зеркалом религиозной политики, а активным инструментом формирования буддизма как социального института, что делает его незаменимым

для историка, стремящегося понять динамику религии в многоэтническом пространстве Непала.

Заключение

Проведенное исследование выявило целостную логику становления и функционирования «Высших королевских постановлений» как особого источникового комплекса, формировавшегося в Непале от древних эпиграфических деклараций до стандартизированных бумажных указов позднего нового времени. ВКП показали себя не пассивным отражением воли монарха, а динамичным механизмом, посредством которого буддийские ценности, хозяйственные отношения и юридические практики переплетались в единую структуру управления. Последовательное движение жанра от камня к меди, от пальмового листа к деванагарийской бумаге сопровождалось все более сложной системой ссылок на прецеденты, что превратило королевское слово из сакрального акта в основу нормативной преемственности.

Прослеженные трансформации формуляра демонстрируют эволюцию стратегий легитимации монаршей власти. В ранний период узнаваемая царская титулатура и устойчивая invocatio («śrī dharmarāja...») выполняли главным образом символическую функцию подтверждения милостыне. В средневековых грамотах титулатура приобрела уточненные клаузы о налоговых льготах и взаимных обязанностях Сангхи поддерживать общественные работы. Новое время добавило элементы бюрократической отчетности, интегрировав монастыри в разветвленную систему государственного фиска. Таким образом, внимательное чтение ВКП показывает не статичную «традицию щедрости», а гибкий механизм перераспределения ресурсов, ориентированный на текущие запросы двора.

Особую ценность имеют обнаруженные свидетельства о том, как указной язык фиксировал внутренние сдвиги в самом буддизме. Отдельные постановления регламентировали порядок назначения настоятелей, определяли права женских общин, узаконивали тантрическую обрядность или, напротив, ограничивали безбрачие монахов. Таким образом, ВКП становятся уникальным «срезом» того, что в нарративных текстах часто подавлено или схематизировано: мы наблюдаем реальные компромиссы между религиозным идеалом, экономическим интересом и политическим расчетом.

Работа подтвердила, что насыщение указов хозяйственными деталями шло рука об руку с расширением географии буддизма. Как только монастырь начинал распоряжаться водопроводом, мостом или рынком, в текстах появлялись строгие предписания о сборе ренты и ответственности за инфраструктуру. Такая эволюция

доказывает, что институционализация буддизма в долине Катманду имела не умозраительный, а четко документированный характер: точно датированные клаузы XIX века позволяют проследить эволюцию арендных схем, позднее задокументированных актами Департамента гутхи.

Выявленная многоязычность и полилингвизм жанра стали индикатором культурной политики. Смена преобладающих административных языков (санскрит, невари, непали) сопровождалась символической переориентацией: санскрит закреплял связь с универсализмом дхармы, невари подчеркивал роль городского купечества, непали подводил религиозную прослойку под рамки централизованного индуистского государства. Это наблюдение уточняет картину взаимодействия этноязыковых общин, демонстрируя, что язык указа становился инструментом социальной иерархизации.

Методологический синтез, сочетающий дипломатическую критику с дискурс-анализом, позволил переосмыслить традиционное представление о сакральности правового акта. Прослеживая смену риторических стратегий — от проклятий нарушителям до призыва к государственной дисциплине, — работа показала, как религиозная лексика постепенно уступала место секулярной аргументации. Тем не менее даже в конце монархической эпохи апелляция к кармическим санкциям сохраняла силу правового инструмента, подтверждая преемственность буддийского мировидения в непальской политической культуре.

Практическая значимость исследования заключается в том, что обобщенная классификация ВКП открывает возможность оперативного атрибутирования нераскрытых архивных фрагментов, а реконструированные модели дарения помогают экспертам по культурному наследию разрабатывать устойчивые схемы управления землями религиозных трастов. Кроме того, введение точных транслитераций и унификация терминологии создают методическую базу для курсов источниковедения буддизма и для подготовки переводов, адекватно передающих юридическую семантику оригиналов.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: ВКП предстали ключевым звеном в системе, где сакральное и профанное связаны не абстрактной идеей «симбиоза религии и государства», а точным юридическим механизмом. Через эти документы буддизм Непала прошел путь от удела монастырских общин к фактору государственной экономики, одновременно сохранив способность влиять на современную правовую и культурную практику. Осмысленная интеграция этих текстов в широкий контекст азиатской дипломатической традиции не только восполняет пробелы отечественной буддологии, но и

предоставляет ориентиры для правового осмысления религиозного наследия в современных светских государствах.

Перспективу открывает сравнительный анализ императорских и королевских указов буддийских стран: планируемая диссертационная работа «Высшие коро-

левские постановления» как источники по изучению буддизма Таиланда: Пхра бором ратча онган (phra borom ratcha ongan, พระบรมราชโองการ)» позволит сопоставить исследовательский материал с разными корпусами актов, выявляя единство и региональные вариации механизмов сакральной легитимации, языковой политики и экономического обеспечения буддийских институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alsop I., Tamot K., Parajuli P. In the Khasa Malla Tradition A Thanka of Vikram Shahi (r. 1602–1631) King of Jumla // Asianart.com. — 2021. — URL: https://www.asianart.com/articles/vikram_shahi/4.html (дата обращения: 28.05.2025).
2. Amritananda Bhikkhu. A Short History of Theravada Buddhism in Modern Nepal. — 3-rd ed. — Kathmandu: Ananda Kuti Vihara Trust, 1986. — 56 p.
3. Bajracharya S.M. Monasticism in the Buddhism of Nepal-Maṇḍala: Continuity and Changes: PhD dissertation. — Kathmandu: Tribhuvan University, 2014. — 543 p.
4. Chudal A. Rahul Sankrityayan and the Buddhism of Nepal // European Bulletin of Himalayan Research. — 2015. — № 46. — P. 62–87.
5. Dahal A. Debating Secularism in Nepal: Conspicuously at Crossroad between Mission or Fashion? // Current Opinion. — 2024. — Vol. 4, № 2. — P. 523–529.
6. Devkota K.D. Why a Secular Republican Constitution for the Former Last Hindu Kingdom of Nepal? Symposium on Constitutional Designs for Diversity and Conflict, Jakarta, Indonesia, 12–15 Oct. 2009. — [Б. м.], 2009. — URL: [https://constitutionnet.org/sites/default/files/Khimlal%20Devkota%200n%20Secularism%205th%20Oct%202009%20\(2\).pdf](https://constitutionnet.org/sites/default/files/Khimlal%20Devkota%200n%20Secularism%205th%20Oct%202009%20(2).pdf) (дата обращения: 28.05.2025).
7. Hutt M. The Royal Palace Massacre, Conspiracy Theories and Nepali Street Literature // Political Change and Public Culture in Post-1990 Nepal / ed. by M. Hutt, P. Onta. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — P. 39–55. — DOI: 10.1017/9781316771389.003.
8. Khatiwoda R., Cubelic S., Michaels A. The Mulukī Ain of 1854: Nepal's First Legal Code — An Annotated Translation and Study. — Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2021. — 882 p.
9. Letizia Ch. Secularism and state building in Nepal // Two steps forward, one step back: The Nepal peace process / ed. by D. Thapa, A. Ramsbotham. — London: Conciliation Resources, 2017. — P. 109–111.
10. Malagodi M. Nepal's Constitutional Foundations between Revolution and Cold War (1950–60) // Law and History Review. — 2023. — Vol. 41. — P. 1–22. — DOI: 10.1017/S0738248022000724.
11. Mishra B.K. Secularism in Nepal: Flaws and Fault-lines // Samridhi Journal of Development Studies. — 2021. — Vol. 7, № 1. — P. 26–32.
12. Namgyal-Lama K. Lakṣacaitya Paubhās: Pictorial Representations of a Newar Buddhist Ritual Performance // Études Mongoles Et Sibériennes, Centrasiatiques Et Tibétaines. — 2024. — № 55. — P. 1–58. — DOI: 10.4000/126lu.
13. Shakya M. Buddhism of Nepalmandala: Scope and Challenges in Modern Context // Dhammacakka Journal of Buddhism and Applied Buddhism. — 2025. — Vol. 1. — P. 41–48. — DOI: 10.3126/djbab.v1i1.76160.
14. Shneiderman S. The power of Buddhist homelands: secularism, space and sovereignty // South Asian History and Culture. — 2023. — Vol. 14, № 1. — P. 90–92. — DOI: 10.1080/19472498.2022.2159120.
15. Subedi S.R. Roles, Responsibilities and Challenges of Guthi Sansthan (Corporation) for the Conservation of Cultural Heritage in Nepal // KIC International Journal of Social Science and Management. — 2022. — Vol. 1, № 1. — P. 77–86. — DOI: 10.3126/kicijssm.v1i1.51105.
16. Subedi S.R., Shrestha S. A Case of the Guthi System in Nepal: The Backbone of the Conservation and Management of the Cultural Heritage // Conservation. — 2024. — Vol. 4, № 2. — P. 216–235. — DOI: 10.3390/conservation4020015.
17. Subedi S., Shrestha S. Conservation and Management of Cultural Heritage of Kathmandu Valley: A Case of Traditional Guthi System // Journal of Advanced College of Engineering and Management. — 2024. — Vol. 9. — P. 257–271. — DOI: 10.3126/jacem.v9i1.71466.
18. Sujano S.M. Theravada Buddhism in Modern Nepal. — Slough: Lumbini Nepalese Buddha Dharma Society (UK), 2018. — 44 p. — URL: <https://www.lumbini.org.uk> (дата обращения: 28.05.2025).

© Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) (Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»